1755 1

МАЛОРУССКІЯ

ПЬЯНИЦКІЯ ПѢСНИ.

Н. Ѳ. Сумцова.

Изданіе редакціи «Кіевской Старины».

ХАРЬКОВСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
СЕНТ. 1900
1755

1030066

КІЕВЪ.
Типографія А. Давиденко, арсид. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.
1886.

МАЛОРУССКІЯ ПЬЯНИЦКІЯ ПѢСНИ.

Довольно затруднительно опредѣлить простонародный взглядъ на пьянство, сказать, кто преимущественно пьетъ въ селѣ и, главное, почему, въ силу какихъ житейскихъ условій пьетъ до излишества. Въ литературѣ встрѣчаются болѣе или менѣе цѣнныя наблюденія надъ строемъ крестьянской жизни вообще, надъ формами проявленія пьянства и причинами его вызывающими въ частности, наблюденія, сдѣланныя интеллигентными людьми, по отдѣльнымъ явленіямъ и случаямъ, иногда сквозь призму воззрѣній и убѣжденій культурнаго класса общества. Нельзя не признать всей пользы и цѣнности изученія народной жизни по бытовымъ явленіямъ или по статистическимъ даннымъ, особенно въ томъ случаѣ, когда изученіе это идетъ со стороны такого проницательнаго и сильнаго литературнаго таланта, какъ Г. И. Успенскій. Желательно, однако, послушать самихъ крестьянъ, въ частности разузнать ихъ коллективное мнѣніе о значеніи водки и шинка въ сельской жизни. *Audiatur et altera pars*. Правда, эта громадная и таинственная *pars* не выражаетъ своихъ мнѣній, нуждъ и желаній въ періодической печати, преимущественно, по безграмотности, отчасти по опасливости подавать свой голосъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ «командующіе классы» общества. Но у народа, простаго народа есть свои формы и способы выраженія общественнаго мнѣнія—пѣсня, поговорка, сказка. Безъискусственная народная поэзія представляетъ отличное средство ознакомленія съ своеобразнымъ и замкнутымъ крестьянскимъ міромъ. Въ народной поэзіи съ одной стороны обнаруживаются идеальныя представленія народа, другими словами, природа и люди

представляются такими, какими они должны быть по воззрѣніямъ лучшихъ людей, во всемъ блескѣ красоты и нравственнаго совершенства, съ другой стороны обнаруживается современная бытовая дѣйствительность, со всѣми ея слабостями и недостатками, какъ историко-культурный продуктъ всей прошлой духовной и бытовой жизни народа. Идеальныя и реальныя черты въ пѣсняхъ перепутаны, перемѣшаны, но не въ такой степени, чтобы, при нѣкоторой опытности въ обращеніи съ народно-поэтическимъ матеріаломъ, нельзя было ихъ разобрать и разгруппировать разумѣется, въ главныхъ, крупныхъ очертаніяхъ. Мелкія краевыя черты почти неуловимы, по многимъ причинамъ: во первыхъ, въ самой поэзіи лежитъ начало обобщенія, подведенія подъ извѣстный уровень народнаго пониманія и чувства отдѣльныхъ, личныхъ, субъективныхъ духовныхъ проявленій и мелкихъ краевыхъ чертъ быта; во вторыхъ, многое не договорено самими сборниками народныхъ пѣсенъ и обрядовъ, большею частью устарѣлыми и въ значительной степени хаотичными относительно распредѣленія заключающагося въ нихъ пѣсеннаго матеріала.

Въ сборникахъ малорусскихъ и галицкихъ пѣсенъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, де-Воллана, Лоначевскаго разбросано много корчемныхъ и пьяницкихъ пѣсенъ. Въ V томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» Чубинскаго, во 2 и 3 томахъ «галицкихъ и угорскихъ пѣсенъ» г. Головацкаго и во 2 томѣ «Pokucie» г. Кольберга пьяницкія пѣсни выдѣлены въ особые отдѣлы; у Чубинскаго въ отдѣлѣ пьяницкихъ пѣсенъ находится 35, у г. Головацкаго 15, у г. Кольберга 21 пѣсня. Далеко однако не всѣ пьяницкія пѣсни вошли въ эти отдѣлы. Много пѣсенъ этого рода разбросано въ другихъ отдѣлахъ сборниковъ, преимущественно въ отдѣлахъ пѣсенъ семейно-родственныхъ и свадебныхъ; двѣ вполнѣ пьяницкія пѣсни въ сборникѣ Чубинскаго попали даже въ отдѣлъ веснянокъ. Найболѣе характерныя галицко-русскія пьяницкія пѣсни находятся въ сборникѣ г. Головацкаго внѣ отдѣла корчемныхъ и пьяцкихъ пѣсенъ. Вообще, невозможно полагаться на отдѣлы въ сборникахъ пѣсенъ, изучая какое-нибудь бытовое явленіе по даннымъ народнаго пѣснотворчества. Многое цѣнное и важное въ такомъ случаѣ уйдетъ отъ вниманія изслѣдователя. Волей-неволей приходится по каждому отдѣль-

ному вопросу пересматривать цѣлые сборники, отъ доски до доски, и только послѣ такого пересмотра представляется возможность говорить съ нѣкоторой рѣшительностью и судить съ нѣкоторой, нельзя сказать большой, увѣренностью объ отдѣльныхъ явленіяхъ народнаго пѣснотворчества.

Пьяницкія пѣсни не представляютъ историко-литературнаго интереса. Ихъ нельзя поставить въ родство съ обрядными или историческими пѣснями. Въ нихъ почти совсѣмъ не оказывается чертъ вліянія письменности. Въ то время, какъ въ до-петровской московской Руси было много наставительныхъ сочиненій о вредѣ пьянства (Повѣсть о хмѣльномъ питіи, Повѣсть о высокоумномъ хмѣлѣ, Повѣсть о Горѣ-злочастіи, Слово объ упьянчивыхъ и др.), въ Малороссіи XVI и XVII стол. эта отрасль литературы была совсѣмъ неразвита, почти вполнѣ отсутствовала. Сколько намъ извѣстно, только въ одной галицко-русской пѣснѣ изъ гористаго коломыйскаго округа встрѣчается апокрифическая черта: «дѣтька (т. е. чортъ) коло винныць своимъ зѣльемъ заправляе горѣвку для пьяницъ» (Голов., т. II, стр. 466). Немногія пьяницкія пѣсни представляются интересными съ художественной точки зрѣнія, и притомъ почти исключительно малорусскія пѣсни. Галицко-русскія пьяницкія пѣсни отличаются длинnotой, безцвѣтностью и, за весьма немногими исключеніями, безсодержательностью, какъ продуктъ творчества людей съ помутившимся сознаніемъ. Между малорусскими пьяницкими пѣснями встрѣчается нѣсколько пѣсенъ, превосходныхъ по законченности, задушевности, силѣ чувства, и пѣсни этого разряда представляются продуктомъ творчества людей вполнѣ трезвыхъ, преимущественно женщинъ, натерпѣвшихся горя отъ пьяницъ мужей. Главный интересъ при ознакомленіи съ пьяницкими пѣснями возбуждаетъ ихъ жизненность, реальность, бытовая правдивость. Въ нихъ разбросаны черты деревенской злобы дня, иногда крупныя, часто мелкія, почти всегда характерныя. Народное своеобразіе пьяницкихъ пѣсенъ обнаруживается въ выборѣ и сочетаніи бытовыхъ мелочей. Если сравнимъ, напримѣръ, малорусскія и галицко-русскія пьяницкія пѣсни въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга съ польскими пьяницкими пѣснями въ «Lud» Кольберга (т. I, стр. 152, т. IV, стр. 57—59; т. VI, стр. 180—186), то въ тѣхъ и другихъ замѣтимъ массу мелочей различнаго свойства, при-

чемъ у малороссіянъ отдается предпочтеніе однѣмъ мелочамъ, положимъ, перечисленію припиваемыхъ предметовъ хозяйства, у поляковъ—другимъ мелочамъ, положимъ, обрисовкѣ отношеній пьянаго человѣка къ своей кумѣ, его шатанія. Нельзя однако не замѣтить при этомъ, что между галицко-русскими и польскими пьяницкими пѣснями, сколько можно судить по сборникамъ Головацкаго и Кольберга, обнаруживается болѣе сходства по содержанію, чѣмъ между пьяницкими пѣснями галицко-русскими и малорусскими. Малорусскія пьяницкія пѣсни вообще короче, выразительнѣе, задушевнѣе галицко-русскихъ и польскихъ. Въ особенности большое сходство между галицко-русскими и польскими пьяницкими пѣснями обнаруживается въ многочисленныхъ пѣсняхъ о пьянствѣ и интимныхъ отношеніяхъ кума и кумы, и въ этомъ отношеніи польскія пѣсни, повидимому, оказали вліяніе на галицко-русскую поэзію, внесли въ нее типъ пьющихъ и развратныхъ кумовьевъ.

Согласно со всеобщимъ распространеніемъ и важнымъ значеніемъ водки и шинка въ народномъ бытѣ, объ нихъ часто говорится въ народныхъ пѣсняхъ, поговоркахъ, присловьяхъ. Съ мыслью о горѣлкѣ не всегда въ народной поэзіи связывается выраженіе чего-либо дурнаго, безнравственнаго. Какъ въ жизни, такъ и въ отраженіи ея—поэзіи водка является только какъ «горилка-говорушечка» безъ нравственнаго паденія пьющаго, а въ такомъ случаѣ и «чарочка-чепурушечка», «фляшечка-потишечка».

Простолюдины пьютъ большею частью въ большіе праздники или при важныхъ случаяхъ семейной жизни. Такъ, на Рождество Христово колядовщики просятъ за спѣтую «колядочку бочку пива, бочку не бочку хоть коновочку, а зъ коновочки хоть кватиречку, а зъ кватиречки хоть порціечку» (Голов., т. III, стр. 123). На Свѣтлый праздникъ пьютъ, потому что, какъ говорится въ одной галицкой коломыйкѣ:

Ты, Господи милосердный, Господи ласкавый,
Якій-же то день веселый, якъ йдутъ зъ пасками.
(Kolberg, т. II, стр. 240).

Жнецы по окончаніи полевыхъ работъ напоминаютъ хозяину поля, что ихъ нужно угостить, ибо не даромъ они потрудились надъ широкой нивой и свили изъ колосьевъ для хозяина вѣнокъ (Голов.,

т. III, стр. 195). За угощеніе жнецы славятъ хозяина, особенно усердно славятъ за щедрое угощеніе, когда «вся челядойка пьяна» (Голов., т. III, стр. 201).

Пьютъ водку на родинахъ, «щобъ диты росли». На крестинахъ «бабусенька гости садовить, пляшку зъ горилкою ставить, частуе, пріймае и хрещеного сына выхваляе» (Чубинскій, т. IV, стр. 11). На свадьбахъ пьютъ сильно, съ разными прибаутками и поговорками, «щобъ молоди любились, а старихъ щобъ и коломъ не розважити» (Номисъ, т. II, стр. 605). Пьютъ на похоронахъ и на поминкахъ «помершимъ на царство, а живымъ щобъ здоровья, та зъ неба дощъ, та хлибъ, та цвитъ, та всячину» (Номисъ, т. II, стр. 608).

Въ думахъ выраженіе «пить горѣлку» представляется общимъ мѣстомъ, эпическимъ *locus communis*, равно какъ и въ былинахъ «пить чару вина въ полтора ведра»—общее мѣсто. Независимо однако отъ внѣшняго формальнаго распространенія этого эпическаго мотива, питье горѣлки, даже чрезмѣрное питье было обычнымъ бытовымъ явленіемъ стариннаго малорусскаго козачества. Дешевизна хлѣба и свобода винокуренія въ сильной степени тому содѣйствовали. Дума о Байдѣ начинается словами: «въ Цариградѣ на рыночку та пье Байда медъ, горилочку» (Голов., т. I, стр. 1). Козубай, отправляясь воевать съ ляхами, беретъ «фляшку съ горилкою» (Гол., т. I, стр. 7). Коновченко «рано ранесенько горѣвки ся напивае», и народное благоразуміе устами гетмана даетъ ему совѣтъ сначала умыться, потомъ Богу помолиться и не пить водки, особенно передъ битвой, чтобы сонъ не похилилъ козацкой головы и турки ее не срубили (Гол., т. I, стр. 11). Вообще, по даннымъ старинныхъ думъ, народная мысль снисходительно относилась къ питью водки козакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда козакъ пилъ водку въ родной семьѣ, раздѣляя общую семейную радость, какъ пилъ, напримѣръ, Совва Чалый по случаю рожденія сына (Голов., т. I, стр. 19), или когда питье водки слѣдовало за военной удачей, какъ пировалъ, напримѣръ, Самійло Кишка въ очеретахъ съ своими товарищами послѣ освобожденія изъ турецкаго плѣна и захвата галеры (Ант. и Драг., Истор. пѣс. мал. нар., т. I, стр. 219).

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда питье водки представляется своего рода вознагражденіемъ за трудъ и за исключеніемъ

такихъ отдѣльныхъ и важныхъ событій въ жизни человѣка, какъ крестины и свадьба, когда пьютъ отъ полноты веселья, питье водки, переходящее въ пьянство, до потери сознанія, строго порицается народной моралью, что видно изъ произведеній народнаго творчества. Сюда относятся такія поговорки: «Пий та ума не пропивай»; «Дай, Боже, пить та не напиваться»; «За чарку то и за сварку»; «Прощай, розуме, якъ зъ горилкою зустрився»; «Пьяный—що дурный»; «Горилка—здоровью злодійка»; «Хмиль до лихого людей зводить» (Номисъ, стр. 224). Въ особенности много проявленій отрицательнаго отношенія народа къ пьянству находится въ семейно-родственныхъ, корчемныхъ и пьяницкихъ пѣеняхъ. Въ малорусскихъ и галицкихъ пѣсняхъ встрѣчается, между прочимъ, любопытное замѣчаніе, что водка сокращаетъ жизнь человѣка, причомъ обнаруживается свойственная простому народу идеализація старины:

Люде давно старосвѣцки
Горѣвки не пили,
По сто годовъ по пятьдесятъ
Та на свѣтѣ жили.
Але теперь, якъ узяли
Дуже напивати,
То по сорокъ исповна
Не будутъ тревати (Гол., т. II, стр. 466).

Можно собрать пять, шесть пѣсенъ, обрисовывающихъ такое положеніе семьи, когда мужъ и жена становятся пьяницами. Въ пѣсняхъ подобнаго рода обнаруживается игривое настроеніе духа пѣвца, иронія, насмѣшка. Пропивши имущество, мужъ и жена отправляются домой въ сознаніи, что далѣе имъ не на что уже пить и что люди надъ ними смѣются (Чубин., т. V, стр. 637). Подобнаго рода пѣсенный мотивъ вошелъ въ стихотвореніе Т. Шевченка «Тарасова ничъ».

Въ пьяницкихъ пѣсняхъ большею частью изображается пьянство одной стороны, мужа или жены, причемъ другая сторона, не пьющая, почти всегда оказывается въ горемычномъ положеніи. Число пѣсенъ, изображающихъ пьянство женщинъ, незначительно въ сравненіи съ числомъ пѣсенъ о мужьяхъ пьяницахъ. Въ обоихъ случаяхъ получается одинаково печальная картина семейнаго разлада и разоренія.

Въ пѣсняхъ о мужѣ пьяницѣ прежде всего обращаетъ вниманіе горемычное положеніе его жены. Бѣдная женщина нарекаетъ на свою мать (Чуб., т. V, стр. 591, 624) или на отца. Въ одной пѣснѣ мужъ говоритъ женѣ, что ея отецъ заболѣлъ и проситъ воды; жена даетъ такой жесткій отвѣтъ:

Хоть най бажыть, хоть най умре;
Мени за нимъ жаль не буде:
Давъ-же мене, еденыцю,
Давъ-же мене за пьяныцю (Чуб., т. V, стр. 1092).

Разумѣется, жалоба на родителей возможна въ томъ случаѣ, когда они побуждали дочь выйти за пьяницу. Иногда женщина сознается, что она сама всему виной: послушалась, поддалась своему сердечному увлеченію, и тогда она обвиняетъ только себя:

Нихто не виненъ, тилько я,
Щомъ полюбила гультяя.
Гультяй не робыть, тилько пье,
Прійде до дому, мене бье.
Не виненъ отець и мати,
Не силовали мене оддати.
(Чуб., т. V, стр. 217; де-Волланъ, стр. 85).

—

Добре мени говорила небижчечка матка:
Не йди, доню, за такого, що на бакиръ шапка.
А я матки не слухала,
Сама-жъ биду напитала,
Теперъ пропаду! (Чуб., т. V, стр. 1092).

—

Не лай мене, моя мати,
Николи, ни за що,
Полюбила козаченька
Пьяныцю й ледащо,
Ледачого й батька;
Тилько его роскрасила
Що сивая шапка (Чуб., т. V, стр. 206).

Въ слѣдующей пѣснѣ находится выразительное описаніе неутолимой жажды пьяницы, его разоренія, горемычнаго положенія его жены и дѣтей:

Приходить до коршмоньки та сперся на фляшку,
А вси боги укладае въ арендарьску ласку:
«Арендару-господару, дай горилки на що маю,
Дай, горилки, дай!»
Стоить жинка пидъ викномъ та жалибно плаче;
—«Не плачь, не плачь, бисновата, не буде иначе.
Тоби ся тымъ не журитися;
Людямъ на то не дивитися:
Жидъ волы возьме!»
—Бодай тебе перунъ забывъ темненькои ночи;
Плачуть диты, выглядають темненькои ночи.
Плачуть диты, выглядаютъ зъ коршмы идучи.
«Цытьте диты; идить на пичъ;
Я самъ бачу на васъ драння,
А горилку пью» (Чуб, т. V, стр. 1091).

Потребна большая сила словеснаго творчества, чтобы изъ такихъ мелкихъ бытовыхъ чертъ, какъ просьба пьяницы дать ему водки, проклятіе его жены, слезы дѣтей, создать яркую жанровую картинку.

Къ числу превосходныхъ пьяницкихъ пѣсенъ, обрисовывающихъ положеніе жены, у которой пьяница мужъ, слѣдовало-бы отнести помѣщенную въ «Запискахъ о южной Руси» П. А. Кулиша думу «Корчма, корчма, княгине?», если-бы не возникало сомнѣніе въ простонародности этой думы. И въ цѣломъ составѣ думы, и въ отдѣльныхъ ея подробностяхъ обнаруживаются черты сочинительства, искуснаго личнаго творчества по даннымъ народной поэзіи. Отличительная особенность вполнѣ народныхъ пѣсенъ состоитъ въ типичности и простотѣ, отсюда въ значительной распространенности отдѣльныхъ ихъ мотивовъ, выраженій, эпитетовъ, сравненій, уподобленій, взятыхъ изъ внѣшней природы образовъ. Даже въ устарѣвшихъ и въ забытыхъ думахъ не все устарѣло и не все забыто. Отдѣльные ихъ образы и мотивы пристали къ другимъ пѣснямъ и живутъ въ нихъ въ измѣненномъ видѣ. Дума о корчмѣ по отдѣльнымъ подробностямъ представляетъ въ народной поэзіи исключительное явленіе. Нельзя сказать, чтобы народной поэзіи было чуждо общее содержаніе думы. Въ старинномъ сборникѣ пѣсенъ Ж. Паули (т. II, стр. 85) на-

ходится подобная пѣсня, «Стоить корчма надъ болотомъ» (у Голов., т. III, стр. 522), только очень простая, съ примѣсью шутки пропойцы надъ самимъ собою. Такъ какъ эта пѣсня, можетъ быть, послужила отчасти источникомъ для неизвѣстнаго автора въ дѣлѣ сочиненія думы о корчмѣ, то не лишне будетъ привести ее здѣсь цѣликомъ:

Стоить корчма надъ болотомъ,
Не пошита околотомъ:
«Ты, корчмонько, судотыне!
Въ тобѣ то вся праця гине:
Та вже бы'мъ тя злотомъ побивъ,
Тилько мъ праци въ тобѣ пропивъ!
Пропивъ вивци въ полонинѣ,
Тысменицю въ половинѣ (?),
Ще маю въ Бозѣ надѣю,
Що пропью мѣсто Отынѣю!

Еще болѣе сходства съ думой «Корчма, корчма, княгине!» имѣетъ старинная козацкая пѣсня въ V т. «Трудовъ» Чубинскаго, стр. 334. Здѣсь выступаетъ козакъ Нетяга въ плохой одеждѣ. Нетяга «поихавъ въ війско охотнее», а жена въ его отсутствіе распилась. Возвратившись домой, Нетяга «махавъ пугою» на жену и «поробивъ по пидъ-очима сине». Жена объясняетъ своимъ знакомымъ синеву подъ глазами тѣмъ, что въ хлѣву зашиблась о ключину. Эта козацкая пѣсня записана въ харьковской губерніи и почти также проста, какъ и галицко-русская пѣсня о корчмѣ судотынѣ. Въ думѣ о корчмѣ на первыхъ порахъ вызываетъ недоумѣніе читателя самое наименованіе корчмы княгиней, чуждое народной поэзіи. Въ народныхъ пѣсняхъ княземъ называется мѣсяцъ, княгиней дѣвушка-невѣста. Вообще, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ никакого особеннаго наименованія корчмы, нѣтъ даже попытокъ къ ея олицетворенію или воплощенію въ извѣстный образъ, за исключеніемъ только-что приведеннаго галицко-русскаго наименованія корчмы «судотыной», т. е. щеголихой, отъ польскаго sudanny—стройный, гибкій, щегольской. Въ думѣ о корчмѣ выраженіе «судотыня» замѣнено выраженіемъ «княгине» или потому, что передѣлыватель пѣсни не понялъ перваго выраженія, или потому, что имѣлъ подъ

руками такой варіантъ народной пѣсни, гдѣ не было ироническаго сопоставленія предполагаемой щеголеватости корчмы и бѣдности ея посѣтителей, или потому что далѣе понадобилось добавленіе, что корчма «неошатно ходитъ». Далѣе собственное имя козака Нетяга замѣнено нарицательнымъ собирательнымъ козаки-нетяги. Въ результатѣ получилась такая редакція первой части думы:

Гей, корчмо, корчмо, княгине,
Чомъ то въ тоби козацького добра багато гине?
И сама еси неошатно ходишъ,
И насъ козакивъ-нетягъ пидъ случай безъ свитокъ водишь.

Здѣсь подозрительно еще выраженіе «пидъ случай». Въ народной поэзіи рѣдко встрѣчаются ограниченія и оговорки, ими обилуетъ рѣчь осторожнаго интеллигентнаго человѣка. Далѣе дума гласитъ:

Знати, знати, козацьку хату
Скризь десяту.
Вона соломою не покрыта,
Присною не осыпана;
Коло-двора нечиста-ма и кола,
На дривотни дровъ ни полина.
Седитъ въ ней козацька жинка, околила.
Знати, знати козацьку жинку,
Що всю зиму боса ходитъ,
Горшкомъ воду носитъ,
Полоникомъ диты напувае!

Тутъ много мелочей, отзывающихся искусственностью, авторствомъ. «Скризь десяту» въ народныхъ пѣсняхъ не встрѣчается. «На дривотни дровъ ни полина»—не характерная черта въ народномъ бытѣ и чужда народной поэзіи. Топятъ рѣдко дровами, большею частью мелкимъ хворостомъ, который можно ломать руками или о колѣно, на югѣ Россіи почти исключительно соломою и кизякомъ. Вообще, во всемъ строѣ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ думы обнаруживается нѣкоторая искусственность, преувеличеніе, одностороннее развитіе сюжета. Невольно возникаетъ мысль о поддѣлкѣ или, точнѣе сказать, тенденціозной передѣлкѣ народной пѣсни.

Къ тому-же, въ старинное время, лѣтъ сорокъ назадъ, сильно была распространена наклонность къ поддѣлкѣ народныхъ пѣсенъ, даже среди ученыхъ людей. Недавно стало извѣстно, что и М. А. Максимовичъ занимался подобнаго рода сочинительствомъ.

Пьянство мужа находится иногда въ связи съ его распутствомъ. Такъ, въ одной галицкой пѣснѣ (у Кольберга, т. II, стр. 232), мужъ въ присутствіи своей жены пьетъ съ кумой водку, любезничаетъ съ ней, приказываетъ женѣ постлать для него и кумы постель.

Гдѣ пьянство, тамъ брань и драка. «На пидпитку нема спинку». «Видъ пьяного полы вражъ та втикай» (Номисъ, стр. 224). Бьютъ пьяницу, чаще всего бьютъ такіе-же пропойцы, «милъ-сердечные» его друзья (у Чуб., т. V, стр. 1088). Большею частью бьетъ самъ пьяница, бьетъ прежде всего свою ближайшую помощницу и опору семьи, свою жену. И жена изливаетъ свое горе въ пѣснѣ о своей «красѣ уродливой—долѣ несчастливой». Въ пѣсняхъ находятся даже подробности битья жены мужемъ пьяницей. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слѣдующія двѣ пѣсни:

. . . . А мій милый у лиженьку лежить,
Мени мати розувати велить:
«Розуй, розуй, моя донечко,
Щобъ не вдаривъ та въ головочку».
—А вже мени, моя мамцю, та й не першина
Черезъ плече та й черемшина;
А вже мени, моя мати, не першій разокъ
Черезъ плечи дротяненькій батижокъ
(Чуб., т. V, стр. 592).

. . . . Вдаривъ милу по плечи,
Та й по билому лици,
Ажъ полилась кровь червона
По шитому рукавци.
Не жаль мини шитыхъ квитъ,
Якъ жаль мини моихъ литъ:
Шиты квиты отперутся,
Лита-жъ мои не вернутся (Чуб., т. V, стр. 584).

Въ двухъ, трехъ пѣсняхъ отмѣчено бѣгство жены отъ пьянаго и буйнаго мужа:

Ой мій чоловикъ та пьяниця;
Ой якъ напьется, то й не тямится.
Ой якъ иде зъ корчмы та выкрикае,
А не мени тило та потерпае...
Пидъ стрихою ничъ ночувала,
Охъ у дуплахъ не идну стояла.
Ой била-жъ мени та съ такимъ мужемъ,
Що винъ не вьяже та штаны гудземъ.
(Чуб., т. V, стр. 1091).

Винъ въ двери—я утикаю;
Викномъ, дверима утикаю;
У садочку ночлигъ маю;
До мисяца розмовляю.
Винъ до мене каменемъ,
Я дальше утикаю (Чуб., т. V, стр. 1092).

Подобнаго рода дикая расправа съ женой не въ малороссіянина и строго осуждается народной моралью. Даже пьяница на другой день послѣ кулачной расправы съ женой чувствуетъ угрызеніе совѣсти и старается загладить свой проступокъ ласковыми словами или поднесеніемъ женѣ меду. Такъ, въ пѣснѣ:

Та не бий мене, мій миленькій, якъ ты пьянъ,
Бо на другій день буде тоби мене жаль;
Якъ я буду у постелюшки лежать,
А ты будешь стаканъ меду держать:
«Та встань, мила» (Чуб., т. V, стр. 581).

Въ Малороссіи большею частью мужъ подчиняется женѣ, ея нравственному вліянію. Вообще, замужняя женщина въ Малороссіи пользуется значительнымъ почетомъ. Даже дѣвицы не братаются съ молодицами, по уваженію къ нимъ, и зовутъ ихъ или вообще паниматками или непремѣнно по отчеству; равно и посторонніе мужчины относятся къ замужней женщинѣ съ уваженіемъ. Характернымъ выраженіемъ общесознаваемаго у малоруссовъ права замужней женщины на уваженіе служатъ разсказы и пѣсни о томъ, какъ «била жинка мужика, за чуприну взявши». Любопытнѣе всего здѣсь то, что жена бьетъ мужа не по самоуправству, а по приговору

всей громады, и притомъ бьетъ за ту провинность, что мужъ не поклонился ей, «шапочку изнявши». Мотивъ этотъ перешелъ и въ лубочныя картинки. Вліяніе замужней малорусской женщины на мужа въ значительной степени обусловлено общимъ превосходствомъ малорусской женщины надъ мужчиной малороссомъ по силѣ характера. «Малорусская женщина, говоритъ Чубинскій (т. VII, стр. 354), положительно стоитъ выше мужчины во всѣхъ отношеніяхъ. Она, при трудныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, являлась не разъ активнымъ членомъ общества... Во время крестьянскихъ движеній женщины не только одобряли, но и дѣйствовали... Бывали случаи, что когда дѣлались экзекуціи надъ крестьянами, то женщины становились впереди мужчинъ. И военному начальнику приходилось часть отряда употреблять на то, чтобы окружить женщинъ и не допускать ихъ вмѣшательства»... На волостной судъ и даже на мировой женщина иногда является съ мужемъ, чтобы защищать его или просить за него. Подчиненіе малоросса женѣ прекращается, лишь только онъ подопьетъ. Идея личности и чувство собственнаго достоинства, проникающія малоросса, въ моментъ его опьяненія выражаются угловато, грубо; въ результатѣ получается, что малороссіянинъ во время опьяненія дѣлается раздражительнымъ и ворчливымъ. Онъ усматриваетъ въ такомъ случаѣ въ своихъ сосѣдяхъ, знакомыхъ или родственникахъ тайныхъ недоброжелателей, бранитъ и даже бьетъ свою жену и дѣтей.

Нерѣдко бываетъ такой злополучный складъ семейной жизни, когда на одной сторонѣ, мужа или жены, находятся всѣ данныя для счастливой семейной жизни, тогда какъ другая сторона всѣмъ складомъ своего характера, всѣми своими привычками и наклонностями тянетъ къ разладу и разоренію. Въ малорусскихъ и галицкорусскихъ народныхъ пѣсняхъ иногда обнаруживается сильный порывъ женскаго любящаго сердца, порывъ, обусловливаемый такимъ трагическимъ стеченіемъ обстоятельствъ, когда мужъ—человѣкъ никчемный, негодный, горькій пьяница, буйный гуляка и драчунъ, и при всемъ томъ жена горячо его любитъ и ищетъ его любви, его нравственнаго исправленія. Сюда относится, напримѣръ, слѣдующая галицкая пѣсня:

Кобы'сь не пивъ, мене не бивъ,
Ябъ тебе любила,

Я бы тоби, шо суботы,
Головоньку змыла;
Змыла бы'мъ головоньку,
Змыла, росчесала,
Та й до себе притулила,
Ще й поцѣловала (Голов., т. II, стр. 210).

Что дѣлать горемычной женѣ пьяницы среди тяжелой семейной обстановки? гдѣ находится для нея выходъ къ лучшему? гдѣ и въ чемъ, по крайней мѣрѣ, она ищетъ утѣшенія?

Въ старинное время, въ XVI и XVII ст., въ южной Россіи допускался разводъ супруговъ, въ случаѣ семейнаго несогласія, когда между ними возникали «великія разницы и раздоры»,—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакаго повода къ разводу. Здѣсь свѣтскій, народный взглядъ на брачный союзъ, какъ на соединеніе двухъ любящихъ и равноправныхъ лицъ, взялъ верхъ надъ церковнымъ опредѣленіемъ брака на принципѣ пожизненной связи мужа и жены, при главенствѣ перваго, независимо отъ ихъ взаимнаго согласія и любви послѣ бракосочетанія. Когда супруги жили «въ станѣ малженскомъ черезъ колко годъ и не маючи добраго мешканя межъ собою», тогда они «одинъ другаго зъ стану малженскаго выпускали» (Загоровскій, о разводѣ, стр. 190). Разводъ происходилъ по обоюдному согласію и послѣ предварительнаго обсужденія его родными мужа и жены. Мужъ и жена давали другъ другу «разлучные листы», опредѣляли при этомъ, къ кому переходятъ дѣти, заносили «разлучный листъ» въ гродскую актовую книгу, и разводъ считался оконченнымъ; каждая сторона, мужъ и жена, могли снова вступить въ бракъ. Съ возстановленіемъ авторитета церкви разводъ все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ, и высшія духовныя лица, епископы, мало-по-малу лишили свѣтскія власти и даже священниковъ права производить разводы. Такъ, въ 1594 г. владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй соборной грамотой воспретилъ священникамъ своей епархіи совершать разводы собственной властью. Впрочемъ случаи свободнаго развода, съ согласія и утвержденія гродскихъ судовъ, встрѣчаются еще въ XVII и XVIII ст. (Маячанець, Про шлюбъ на Украини, въ «Зорѣ» 1884 г. № 18).

Малорусскій народъ въ своихъ пѣсняхъ сохранилъ до сихъ поръ воспоминаніе о томъ времени, когда можно было разойтись, «не маючи добраго мешканя», особенно въ случаѣ крайняго пьянства мужа. И теперь горемычная жена пьяницы утѣшается стародавнею пѣснею:

Ой ты пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведется, мій нелюбе,
Розійтися зъ тобою!...
Ой пиду я до попа,
Скажу ему стиха:
«Розвяжи намъ, попе, руки,
Бо нароблю лиха!...
Я невирну дружину
Та на вѣки покину,
А сама пиду до роду,
Зъ родомъ не загину!»

(Маячанець, въ «Зорѣ», 1884 г. № 18, стр. 211).

Обиженная мужемъ жена обращается съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ къ сельской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разсчитывать на защиту со стороны этой власти. Такъ, въ галицко-русской пѣснѣ жена, обиженная пьянымъ и развратнымъ мужемъ, въ то время, когда мужъ ея въ пьяномъ видѣ улегся спать съ кумою, говоритъ:

Ой побигла'мъ та до війта,
Та й заголосила:
Пане, війте, началныку!
Дай же мыни раду,
Бо я зъ своимъ чоловикомъ
На вики пропаду.
Ой прыйшовъ війтъ изъ прысижнымъ,
Стали на порози,
Закували кума зъ кумовъ
Та за оби нози.
Та якже ихъ закували,
Въ фурдыгу замкнули,

Та щобы си кума зъ кумомъ
Въ купи си набули.
А мій милый, чернобривый,
Плаче та голосить,
Щире винъ си изъ арешту
До домочку просить...
(Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 233).

Въ какой степени распространенъ въ народѣ обычай жены, обиженной пьянствомъ и побоями мужа, обращаться съ жалобой въ волостной судъ и какія въ такомъ случаѣ мѣры наказанія примѣняются къ виновному, обо всемъ этомъ можно судить по извѣстнымъ въ печати рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, въ данномъ случаѣ преимущественно по VI тому «Трудовъ этногр.-стат. экспед. въ зап. рус. край», стр. 240—245. Такъ, волковыйскій судъ дубенскаго уѣзда волынской губерніи въ 1863 г. слушалъ жалобу крестьянки Фиглюковой на мужа и приговорилъ Фиглюка за пьянство и причиненіе побоевъ женѣ двухсуточному аресту на хлѣбъ и воду (§ 303). Таганчскій судъ каневскаго уѣзда кіевской губерніи въ 1868 г. приговорилъ наказать двухъ крестьянъ за пьянство и блудную жизнь, давши каждому по 15 ударовъ розгами (§ 306). Тотъ же судъ наказалъ крестьянина Горшкодера за блудную жизнь двумя ударами розогъ и внушилъ ему притомъ жить съ законною женою (§ 307). Иногда мужъ за пьянство и блудную жизнь подвергается штрафу въ нѣсколько рублей въ пользу общества и отдается подъ надзоръ сельскаго старосты (§ 311).

Нужно имѣть слишкомъ высокое мнѣніе о волостномъ судѣ, чтобы признать въ немъ достаточную ограду крестьянской жены отъ пьянства и побоевъ мужа. Волостное начальство и само не безгрѣшно по части неумѣреннаго употребленія горѣлки, и зачастую судебные приговоры опредѣляются могорычемъ. Развѣ совсѣмъ пропащій человѣкъ, горькій пьяница подвергнется надлежащему осужденію и должной карѣ. Человѣкъ юркій, имѣющій пріятелей, не будетъ опасаться волостнаго суда. Не всякая жена, даже при крайне плохомъ складѣ семейной жизни, при пьянствѣ и побояхъ со стороны мужа, рѣшится нести свое семейное горе на площадь, кланяться старшинѣ, просить волостное начальство.

1755

Любовь къ дѣтямъ иногда даетъ горемычной женѣ пьяницы силу превозмочъ семейныя нестроенія. Женщина въ такомъ случаѣ доходитъ даже до сознанія святости выпавшаго на ея долю тяжелаго жизненнаго креста, и несетъ свой крестъ терпѣливо, сознательно, не теряя любви даже къ виновнику ея бѣдствій, пьяницѣ мужу. Такое сознаніе, между прочимъ, выразилось въ слѣдующей превосходной малорусской пѣснѣ:

Ой у лузи калина билымъ цвитомъ зацвила,
Мала мати дочку молодую—за пьяницю оддала.
А пьяниця—недбалиця цилый тыждень въ корчми пье,
А якъ прійде до домоньку, мене лае, мене бье.
— Загуляли два голубоньки та надъ криницею,
Горе мени, моя матусенько, жити зъ пьяницею.
Просуну я кватирочку, ажъ матуся въ гости йде,
Питаетця дочки молодои: «чи пьяниця въ дома е?»
— Дома, дома, моя матюнко; цыть, не гомони!
Спить пьяниця въ новій комори,—гляди, его не збуди!
— «Нехай спить, нехай лежить, та нехай не встане,
Нехай твоя бидна головонька отъ журботы одстане».
— Прошу тебе, моя матусенько, ты не лай ёго;
Въ мене дитки маленькіи,—горе жити безъ ёго!
— «Будешь ты, моя дочко, хлиба-соли заробляти,
Будешь маленькіи диты годувати».
— Прошу тебе, моя матусенько, та не жичъ мени того;
Горе, моя матенько, зъ нимъ, горе безъ ёго!
Лучче буду мужу догожати, а нижъ диты годувати!

(Чуб. т. V, стр. 624).

Цѣлая исторія разбитой жизни! Здѣсь порывы отчаянія и горя и побѣждающіе ихъ порывы любви. Нельзя не остановиться передъ раскрытой въ пѣснѣ силой народнаго поэтическаго творчества и передъ разлитой во всей пѣснѣ прелестью любящаго женскаго сердца и высокаго материнскаго чувства преданности дѣтямъ.

Нужно однако имѣть сильную волю, обладать выносливостью, значительной долей природиой наклонности къ добру, чтобы сохранить доброе, любящее сердце въ тяжелыхъ условіяхъ семейной жизни. Натуры посредственныя изнемогаютъ и падаютъ, другими

словами, начинаютъ искать утѣшенія въ шинкѣ. Сначала жена пьяницы заглядываетъ въ шинокъ по необходимости, чтобы вызвать оттуда мужа; мало-по-малу она привыкаетъ къ шинку, встрѣчаетъ въ немъ знакомыхъ, входитъ въ составъ кабацкихъ завсегдатаевъ, переноситъ въ кабакъ всѣ свои помыслы и желанія, отыскиваетъ себѣ подходящихъ пріятельницъ и раздѣляетъ съ ними чарку, гдѣ случится, въ родномъ селѣ, на городскомъ базарѣ. Сюда относятся кое-какіе, мелкіе пѣсенные мотивы, напримѣръ, у Чубинскаго т. V, стр. 638, 863.

Бываетъ, что пьянство жены возникаетъ и развивается независимо отъ образа жизни ея мужа, даже при хорошихъ условіяхъ семейной жизни, при добродушномъ и тихомъ мужѣ. Въ пѣсняхъ попадаются грустныя картины бѣдности семьи, общаго семейнаго нестроенія, вызваннаго пьянствомъ жены и матери, причемъ мужъ, человѣкъ трезвый и трудолюбивый, оказывается безсильнымъ установить въ своемъ домѣ матеріальное довольство и нравственное благочиніе. Мелкій, кропотливый женскій трудъ и заботливость о домашнемъ благоустройствѣ составляетъ тотъ цементъ, который скрѣпляетъ всѣ связи и отношенія семейнаго быта. Семейная жизнь приходитъ въ разстройство, когда жена предается пьянству и мужу приходится самому готовить обѣдъ для своихъ голодныхъ дѣтей (у Чуб. т. V, стр. 654). «Нема кому рано встати, дрибнымъ дитямъ порядъ дати» (Лоначевскій, стр. 75).

Отношеніе мужа къ пьющей женѣ бываетъ различно, въ зависимости отъ силы характера и нравственнаго достоинства мужа. Въ угорско-русскихъ и галицкихъ пѣсняхъ говорится, иногда съ примѣсью негодованія пѣвца, что мужъ, человѣкъ тихаго нрава, терпитъ побои отъ своей пьяной жены (Де-Волланъ, стр. 136; Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 235).

Въ галицкой пѣснѣ, вполнѣ пьяницкой, по невыдержанности размѣра и содержанію, выражается спокойное отношеніе мужа къ пьяной женѣ, возвращающейся изъ корчмы. Въ особенности въ данномъ случаѣ характерны двѣ послѣднія заключительныя строки пѣсни:

Часъ до дому, часъ,
Изъ корчмоньки иду,

Якъ пчола гуду;
За мною молодою
Идутъ хлопци чередою,
Въ цимбалочки бьютъ, бьютъ.
Ой ты, мужу мой,
Витвори двиръ твой,
Иде твоя милесенька,
Изъ корчмоньки пьянесенька,
Чи будешь ій радъ, радъ?
—Чи я ти не радъ,
Ты мій виноградъ;
Легни зъ Богомъ та проспися,
То все буде въ ладъ.
(Kolberg, Pokucie т. II, стр. 233).

Подобныя пѣсни встрѣчаются въ Малороссіи. Мужъ увидѣлъ, что жена его идетъ домой въ сильномъ опьяненіи, отворяетъ ей двери и посылаетъ дѣтей спать: «идить, диты, спати; бо йде пьяна мати» (Чуб. т. V, стр. 1096).

Въ одной малорусской пѣснѣ мужъ уже ворчитъ на пьяную жену, что она «челядочку до роботы не роспорядила» (Чуб. т. V, стр. 1097), а затѣмъ слѣдуетъ уже наказаніе жены плетью (Чуб. т. V, стр. 1096). Въ народныхъ пѣсняхъ такого рода исправительное наказаніе пьяницы жены мужемъ одобряется, напримѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ:

Коли бъ милый добрый
Та взявъ батигъ довгій,
Та ставъ милу бити:
Не йди въ коршму пити.
Возьми квартиночку,
Збери родиночку,
Та й дома напийся,
Та й не волочися. (Чуб. т. V, стр. 678).

Дурное значеніе пьянства усиливается тогда, когда пьютъ въ корчмѣ, внѣ дома. Приведенная пѣсня записана въ черниговской губ., въ г. Борзнѣ. Вообще, корчма въ лѣвобережной Украйнѣ во мнѣніи народа стоитъ ниже, чѣмъ въ правобережной Украйнѣ. Въ

правобережной Украйнѣ шинокъ представляетъ своего рода кулбъ для бесѣдъ, не только для мужчинъ, но и для женщинъ, даже для парубковъ и дивчатъ. Въ праздникъ въ шинкѣ играетъ «музыка», обыкновенно скрипка и бубенъ, а молодежь, парубки и дивчата танцуютъ. Въ лѣвобережной Малороссіи молодежь стоитъ въ сторонѣ отъ шинка. Здѣсь увеселенія молодежи не связаны съ шинкомъ.

Какъ уже было замѣчено, народъ ничего не имѣетъ противъ питья горѣлки, не связаннаго съ страданіями личности или съ разстройствомъ и разореніемъ семьи. Жена, въ особенности мать, взростившая хорошихъ дѣтей, заботливая о домашнемъ достаткѣ и довольствѣ, съ народной точки зрѣнія имѣетъ полное нравственное право провести лишній часъ въ корчмѣ въ разговорѣ съ своими «пріятельками» и выпить лишнюю рюмку горѣлки, даже напиться до опьяненія. Такая мысль проводится въ малорусскимъ и галицкорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ:

Якъ же мени въ корчми не сидити,
Коли-жъ бо я згодувала диты:
Висимъ сынивъ ненька згодувала,
А всимъ висимъ счастье—долю дала.
Иденъ пишовъ въ поле орати;
Другій пишовъ поганяти;
Третій пишовъ молотити;
А четвертый солому носити;
Пятый пишовъ въ лисъ дрова рубати;
Шостый пишовъ въ стоги класти;
Семый пишовъ стежечку мести;
Осьмый пишовъ зъ корчмы неньку вести.
—Стели, жинко, постильку биленьку,
Най положу свою стару неньку.

(Чуб. т. V, стр. 1097).

—

Ой не маешь, мій миленькій,
Та за що мня бити,
Диточки'мъ ти згодувала.
Шо есть зъ кимъ робити.

Идуть сынки зъ косочками,
Доньки зъ грабельками,
А я зварю сниданичко,
Та й несу за вами;
Ой я варю сниданичко,
Та варю и обида,
Теперь тоби, мій миленькій,
Ніякая бида.
Сынки ти йдутъ зъ косочками,
Доньки зъ грабелъками,
А я иду до коршмоньки,
Та зъ пріятельками.

(Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

Въ пьяницкихъ пѣсняхъ обрисовываются почти исключительно отношенія пьяницы мужа къ непьющей женѣ и, наоборотъ, пьяницы жены къ непьющему мужу, и проистекающій отсюда складъ семейной жизни, положеніе дѣтей, степень матеріальнаго богатства и т. п. О пьянствѣ парубка или дивчины въ пѣсняхъ почти не говорится, такъ какъ въ самомъ народномъ бытѣ почти не встрѣчается парубковъ или дѣвушекъ, преданныхъ пьянству. Пьянство вырабатывается съ годами, какъ печальное слѣдствіе дурно направленной, несчастной жизни. «Не зъ добра чоловикъ лишню чарку выпье». Для молодежи, полной силъ и энергіи, естественно заглядывать въ будущее съ свѣтлыми надеждами на счастье. Молодежь можетъ временно напиться на свадьбѣ, на вечерницахъ, и затѣмъ она быстро возвращается къ освѣжающему и ободряющему труду. И на вечерницахъ пьютъ осторожно, чтобы не вызвать дурной молвы. Открыто гуляютъ и пьянствуютъ только домохозяева да бобыли. Въ одной пѣснѣ встрѣчается жалоба матери на пьяницу сына, причемъ сынъ изгоняетъ мать изъ дому (Чуб., т. IV, стр. 29). Пѣсня эта не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ испорченный варіантъ извѣстной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Въ одной галицко-русской пѣснѣ находится слѣдующій рѣдкій образъ пьяницкаго свойства:

Та якъ мене поховають,
Барана зарижте,

Та надо мновъ молоденькимъ,
Барылку повиште.
Але у ти барылочци
Чопекъ золотенькій;
Але у ти барылочци
Медокъ солоденькій.
Буде витеръ повивати,
Барылку хитати,
Та буде ми молодому
Губки поливати.
(Kolberg, Pokucie т. II, стр. 239).

Въ пѣсняхъ рисуется, какъ крестьянинъ пропиваетъ деньги, скотину, одежду; нѣтъ денегъ, женщина несетъ въ шинокъ «горщикъ масла и ворочокъ сыра» (Чуб., т. V, стр. 581), затѣмъ туда же уходятъ «волы половіи», «бычки невелички», коровы, «телыци» (Чуб., т. V, стр. 1093, 585), «рыженька кобылка» (Голов., т. III, стр. 220); въ шинокъ же уплываетъ одежда, «жупаны голубыи» (Чуб., т. V, стр. 1093), чоботы, штаны и сорочка (Чуб., т. V, стр. 584, 1088, 1090). Понятно, что до такой крайности доходятъ только горькіе пьяницы, въ томъ состояніи опьяненія, для выраженія котораго въ малорусскомъ языкѣ есть много характерныхъ словъ: «пьяный, якъ квачъ»; «пъяный, якъ чипъ»; «пьяный, якъ ничъ»; «чорно пье»; «саме въ красу»; «у пьяты вступило»; «оре носомъ»; «чмили гудутъ»; «убывъ муху»; «ажъ чуприна курить» (Номисъ, стр. 224—230).

Въ старинное время, при господствѣ въ обществѣ патріархальныхъ взглядовъ на личность, особенно на личность дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ, возможенъ былъ пропой жены, дочери. Встрѣчающійся въ пьяницкихъ пѣсняхъ пропой жены или дочери, нужно думать, нѣкогда опирался на бытовую дѣйствительность. Изъ пѣсенъ этого разряда найболѣе выдаются по величинѣ и силѣ пѣсни о Немировнѣ, что «роспилася на меду и пропила свою доньку молоду» (Головац., т. III, стр. 15).

Въ пѣсняхъ можно найти разъясненіе, какія стороны семейной жизня вызываютъ пьянство. Такъ, парубокъ начинаетъ пить, когда ему родители не позволяютъ жениться на любимой дѣвушкѣ

или когда любимая имъ дѣвушка выходитъ замужъ за другаго (Голов., т. II, стр. 260; Чуб., т. V, стр. 209, 214). Дѣвушка начинаетъ пить, оставшись старой дѣвой, послѣ смерти отца и матери, когда не находитъ въ окружающихъ ни ласки, ни привѣта (Чуб., т. V, стр. 51). Молодая женщина пьетъ въ замужествѣ за старымъ нелюбомъ (Чуб., т. V, стр. 576). Мужчина ищетъ утѣшенія въ винѣ, потерявъ жену и дѣтей (Чуб., т. V, стр. 470). Къ числу мелкихъ мотивовъ пьяницкихъ пѣсенъ относится соблазнъ дѣвушки посредствомъ водки (Чуб., т. V, стр. 339; Голов., т. I, стр. 107; т. III, стр. 103). Съ наибольшей полнотой мотивъ этотъ разработанъ въ буковинской пѣснѣ: «Гей, дивчина по грибы ходила» (Лоначев., 137).

Отношеніе крестьянина къ шинку и шинкарю отмѣчено въ малорусскихъ пѣсняхъ мимоходомъ, слабыми чертами. Во многихъ пѣсняхъ встрѣчается старинный образъ молодой шинкарки, которая довѣряетъ на сто, а насчитываетъ на двѣсти рублей (Чуб., т. V стр. 1093). Въ малорусскихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ правобережной Малороссіи, часто упоминается жидъ: «Убогому жидъ боргуе» (Чуб., т. V, стр. 1094). Когда убогій не въ состояніи заплатить долга, то жидъ забираетъ у должника ложки, лопату (Чуб., т. V, стр. 1095). Жидъ шинкаръ прогоняетъ изъ шинка пьяницу, не имѣющаго денегъ (Голов., т. II, стр. 224). Вообще, въ малорусскихъ пьяницкихъ пѣсняхъ о евреѣ говорится какъ-то случайно и притомъ не обнаруживается озлобленія противъ него. Въ галицкихъ пѣсняхъ, преимущественно гуцульскихъ, встрѣчаются обвиненія еврея шинкаря въ спаиваніи и разореніи крестьянъ, напримѣръ:

Що ты почнешь, арендарю,
Якъ не будемъ пити?
Перестанешь красно исты,
Хороше ходити;
Будешь у насъ молотити,
Жинка шматьте прати
А жидики пехлюйники
Свини завертати;
Вже не будешь пановати,

Громаду голити,
Будешь ципомъ вывивати,
Въ шабашъ воши бити.
Облизе ти бородище
За наши дорибки,
Бось насъ збавивъ, шось мо мали,
Хлиба тай худибки (Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

Якъ мы були пьяницями,
Отъ горѣвку пили!
Доти намъ се ребра боли
Якъ дурнемъ свѣтили.
Жидѣ собѣ красно ѣли,
Файно се вбирали,
Мы, сараки гуцулоньки,
И хлѣба не мали.
Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все то-то черезъ жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.
Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пиду по горѣвку
Та до твоей хаты!
А мы будемъ працёвати,
Жинки будуть прясти,
Жиды будуть, песи сыны,
Своимъ драньемъ трясти (Голов., т. II, стр. 465).

Эти гуцульскія пѣсни напоминаютъ то мѣсто въ старинной думѣ о возстаніи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится о разореній народа жидами-арендарями:

Якъ отъ Кумивщины та до Хмельнищины,
Якъ отъ Хмельнищины та до Брянщины,
Якъ отъ Брянщины та й до сего-жъ то дня,
Якъ у земли кралевскои та добра не було;
Якъ жиды рандари.

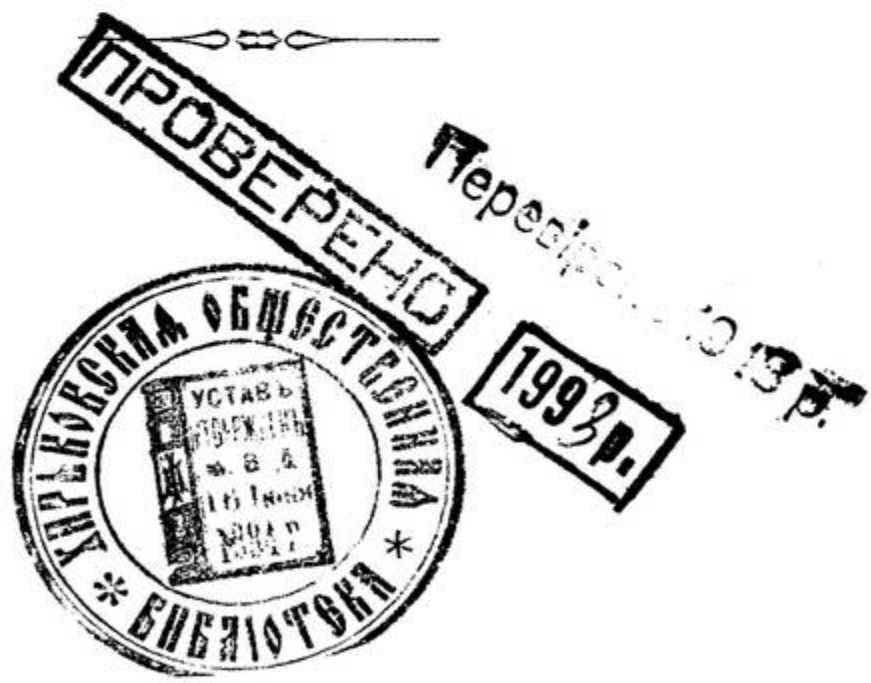
Вси шляхи казацьки зарандовали,
Що на одной мили
Да по три шинка становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли по высокихъ могилахъ.
(Ант. и Драг., Ист. пѣс., т. II, стр. 20).

Присутствіе въ старинной малорусской думѣ и въ современныхъ галицкихъ пѣсняхъ чертъ спаиванія и разоренія крестьянъ евреями посредствомъ кабака и отсутствіе такихъ чертъ въ малорусскихъ пѣсняхъ не служатъ свидѣтельствомъ измѣненія отношеній еврея къ малорусскому крестьянину въ новое время въ предѣлахъ Малороссіи. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ народнаго быта въ Малороссіи, обнаруживается ослабленіе народнаго самосознанія и вытекающее отсюда ослабленіе народнаго поэтическаго творчества. Новая малорусская поэзія, сколько можно судить по сборнику Чубинскаго, ограничивается предѣлами семьи, сосредоточивается на личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, и въ этой области еще глубоко захватываетъ явленія народной жизни; но она уже не проникаетъ въ глубь общественныхъ и соціальныхъ отношеній, и потому еврей, какъ эксплуататоръ народнаго труда, не поддается ея опредѣленію.

Порождаемыя пьянствомъ нестроянія семейной жизни, возникновеніе враждебныхъ отношеній между мужемъ и женой, ссора, драка, упадокъ матеріальнаго благосостоянія, нищета, нужда—все это малорусскимъ народомъ отмѣчено въ пѣснѣ. «Горилка проклятая», «горилка здрадливая!»—таковы возгласы женщинъ въ пьяницкихъ пѣсняхъ. Въ массѣ пѣсенъ малорусская женщина выразила свое отвращеніе къ пьянству, свои страданія отъ пьяницы мужа, свою борьбу съ кабакомъ. Борьба эта не совсѣмъ безплодна, особенно въ Малороссіи, гдѣ женщина пользуется значительнымъ вліяніемъ. Общественные приговоры о закрытіи питейныхъ заведеній составляются не безъ косвеннаго вліянія женщинъ. Съ возникновеніемъ въ загрубѣломъ крестьянскомъ бытѣ культурныхъ стремленій и интересовъ, можно быть увѣреннымъ, малороссіянка выступитъ съ большей силой и съ большей настойчивостью на борьбу съ кабакомъ, что вызоветъ матеріальный и нравственный подъемъ

семьи, села, всего народа. Существуетъ пословица: «якъ горилки не пить, то и въ свити не жить», но она сложилась давно и, надо полагать, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій крѣпостническаго быте, когда крестьянинъ лишь въ состояніи опьяненія не чувствовалъ давившихъ его нужды и горя и когда для него всѣ радости жизни повидимому отождествлялись съ водкой. Теперь нето, теперь водка является какъ приправа грубо понимаемаго удовольствія, а пьянство, при отсутствіи причинъ исключительныхъ, какъ послѣдствіе праздности и недоступности или непонятности удовольствій иного рода. Съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія, съ распространеніемъ грамотности въ нашей крестьянской средѣ измѣнятся вкусы и потребности, и пьяницкія пѣсни останутся памятникомъ лишь прежней жизни, а корчму и водку замѣнятъ удовольствія иного, болѣе нравственнаго свойства.

Н. Ѳ. Сумцовъ.



Дозволено цензурою. Кіевъ 27 мая 1886 года.